

Общезвестно, что идиоматические выражения (идиомы) обычно не поддаются переводу на другой язык. Однако, как показано в диссертации, многочисленные азербайджанские специфические идиомы, в результате длительного двуязычия и живого непосредственного общения с азербайджанцами, скалькированы и употребляются удинами. Напр. азерб. көзүм сәғдәм сү ичмисе - в значении: - "ты не внушаешь мне доверия" (букв. "мой глаз от тебя воды не пьет"); богаздан йухары (букв. "выше горла") "не от души"; эд алтындан (букв. из-под нива руки) "исподтишка, тайком"; халбирле сү дашымаг (букв. ситом воду носить) "делать что-либо невозможным способом" в удинском имеют свои точные эквиваленты: без пийин вахун (вахол) хе тене уьгъса; кьокъехун//кьокъехол ала; килин//кийин окъахун//окъахол; хахадан хе запсун. Здесь точно сохранена не только семантика, но и порядок слов, существующий в азербайджанском языке.

Имеются и такие кальки, которые являются частичными: второй компонент - масдар является удинским, а первый компонент остается как в азербайджанском языке: удин. умуда бостун-азерб. умидини кесмег (букв. "надежду оборвать", т.е. потерять надежду); удин. ара дугъоун - азерб. ара вурмаг (букв. "середину" (взаимотношение) ударить", т.е. поссорить друзей).

При калькировании идиом удины могли использовать как исконное и собственно азербайджанское слово, так и любое другое заимствованное или исконное слово. Наличие в некоторых кальках азербайджанских слов, конечно, далеко не всегда, является показателем т.н. частичного калькирования; в большинстве случаев понятие "частичное калькирование" имеет некоторую условность.

Число кальк-эквивалентов, подобных вышеуказанным, в современном удинском языке более тысячи (около 600 из них представлены в УАРС).

Во втором разделе IV главы говорится о новых грамматических категориях, сложившихся в удинском языке в основном под влиянием азербайджанского языка.

Прилагательные. Для образования степени сравнения прилагательных удинский язык исторически не располагал исконными средствами или формами, степени прилагательных в удинском языке образуются

точно так же, как в азербайджанском языке,^{53/} и при этом калькируется модель (способ) словообразования.

Для образования сравнительной степени морфологическим способом азербайджанский формант исходного падежа - дан/дэн заменяется его удинским соответствием -аффиксом отложительно-исходного падежа -а-хун-(н.д.)//-а-хол(в.д.). Ср. азерб. бу гыз о гыздан кезалдир - удин. ме хинар тIе хинархун//хинархол шелне "эта девушка красивее той девушки (бу-ме "эта" гыз-хинар "девочка", о-тIе "той", гыздан-хинархун//хинархол "девочки", кезалдир-шелне "красивее"); бу агач о агачдан кчндирдур - ме ход тIе ходахун//ходахол аладуне "это дерево выше того дерева" и т.д.

Превосходная степень морфологически образуется путем частичной редупликации прилагательного: маъпмаъибн "черный-черный, очень черный", чIапIчIочIа "самый красный, очень красный", кьапкьари "очень, самый сухой", бомбоз "очень, самый серый" (ср. азерб. гапгара, гыпгыринзы, гупгуру, бомбоз в тех же значениях).

Синтаксическим способом превосходная степень в удинском образуется только при помощи заимствованных азербайджанских частиц дап (азерб. дап) "самый", эьн (азерб. эн) "самый", дим (азерб. дүм/дүм) "совершенно", а также иранских частиц кеде "много", кала (<кеде) "большой", дап догъри (азерб. дап догъру) "самый верный", дап кала (азерб. ан бейук, дап бейук) "самый большой", дим мацIи (азерб. дүм аф) "совершенно белый" и т.д.

Уменьшительная степень морфологическим способом образуется при помощи заимствованной из азербайджанского языка частицы -ча/-ча ср. мицIикIджаь "малюсенький" от мицIикI "маленький"

53/ О степени прилагательных в азербайджанском языке см.: Б.М. Тагиев, Развитие превосходной степени прилагательного в азербайджанском языке (на азерб. яз.), ИАН Азерб. ССР, СОН, Баку, 1962, № 4, стр. 57-69; его же: Сравнительная степень прилагательного в азербайджанском языке (на азерб. яз.), ИАН Азерб. ССР, СОН, Баку, 1964, № 5, стр. 49-56; Грамматика азербайджанского языка, Баку, 1971, стр. 66-70.

малджа "очень мало" от мал "мало" (ср. азерб. кичикча от кичик, азча от аз в тех же значениях).

Синтаксическим способом уменьшительная степень образуется при помощи заимствованных азербайджанских частиц тәһер/тәр "подобно", һал "подобно": һеһшүмтәр "желтовато, чуть желтый" от һеһшүм "желтый"; бозгьал "сероватый" от боз "серый" и т.д.

Аналогичным способом образуется уменьшительная степень и в самом азербайджанском языке. Ср.: бозһал "сероватый", сарытәр "желтоватый".

Числительные. Порядковые числительные. В близкородственных языках (цахурском, рутульском, табасаранском, лезгинском и др.) порядковые числительные образуются при помощи причастия прошедшего времени "значащий, говорящий".^{54/} Исторически так же образовались порядковые числительные и в удинском языке, т.е. с помощью причастия будущего времени укјал "говорящий, сказавший".^{55/} Данный аналитический способ образования порядковых числительных (са укјал "первый" - букв. значащий "первый"; пјаз укјал "второй" букв. значащий "второй"...) в удинском языке вытеснен азербайджанским способом образования. В удинском языке порядковые числительные образуются прибавлением к исконным числительным диалектного элемента азербайджанского языка - умджи//имджи: саумджи "первый", пјазумджи "второй", вицјимджи "десятый", сацумджи "сотый" и т.д. (ср. азерб.: бирими(ин)джи, иким(ин)джи, онум(ун)джи, йузум(ин)джи в тех же значениях).

Количественные числительные. В ниджском диалекте десятки от 30-ти до 90 обозначаются, как и в азербайджанском языке десятиричной (вопреки двадцатиричной) системой (отуз "30", кьарх "40", авли "50", алмыш "60", дохсан "90").

Краткие числительные также образуются по азербайджанской модели: к исконным количественным числительным прибавляется заим-

54/ См.: Ш.М.Саядиев, О некоторых особенностях уподобления языков лезгинской группы азербайджанскому языку. Сб. "Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками", Баку, 1972, стр. 137.

55/ См.: А.А.Шифнер, Указ. соч., стр. 20.

ствованный азербайджанский каъраъ "раз"; сакаъраъ "однажды" (удин. оа "один"); пјазкаъраъ "два раза, дважды" (удин. пјаз "два"); вицј каъраъ "десять раз" (удин. вицј "десять") и т.д. (ср. азерб. бир кәра, ики кәра, он кәра, в тех же значениях). И в этом случае, как нетрудно догадаться, в удинском языке заимствован целиком способ (принцип) образования кратких числительных.

Неопределенные числительные в удинском образовании присоединением кьадар (азерб. гәдар) "количество" к "ме" (этот), "тје" (тот): мекьадар "столько", тјекьадар "столько", или же заимствованным буьтуьн (азерб. бутун) "весь, все".

В разделе местоимений особое внимание уделяется элементу гьа (һа), который прибавляется к удинским указательным и вопросительным местоимениям.

Как в тюркологии, так и в кавказоведении о генезисе "һа" имеются разные, зачастую взаимоисключающие, мнения. Наличие "һ" и "һа" в северных и западных группах диалектов и говоров азербайджанского языка считали албанским,^{56/} цахурским^{57/} субстратом.

Однако, конкретный языковой материал по истории тюркских языков, а также исследования последних лет позволяют считать, что элемент һа, представленный во многих диалектах и говорах азербайджанского языка, является не субстратным, а исконно тюркским элементом. Элемент һа в качестве указательных и вопросительных местоимений употребляется, помимо азербайджанского языка, в турецком, уйгурском, гагаузском, узбекском и некоторых других тюркских языках, в которых возможность наличия дагестано-язычного субстрата вообще исключается. Он зафиксирован в

56/ См.: М.Ш.Ширалиев, О звуке "һ" в азербайджанском языке "Труды АГУ; Серия филологическая", вып. III., Баку, 1949, стр. 67.

57/ См.: А.М.Асланов, Азгили-Джимсиджимахский говор азербайджанско-тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками", Баку, 1972, стр. 177.

То языка и его взаимоотношения с цахурским языком: сб. "Вопросы

азербайджанских и турецких письменных памятниках XI-XIV вв.^{58/}
(см. также hana "мать", hata "отец" в Диване Махмуда Кашгарского-т. I, стр. 32, 164). Возможно, h восходит к древнетюркскому вопросительному местоимению хай//гай//га.^{59/} Разумеется, h нельзя идентифицировать с протетическим h в указательных местоимениях в северных и западных группах диалектов и говоров азербайджанского языка (о-но/ну "тот, он", онлар-ходар//хоннар "они" и т.д.), а также с h в анлауте слов перед гласным a: это явление можно сказать, имеет довольно широкий ареал распространения и встречается как в тюркских (см. азерб. hараба "арба", хамбар "амбар" hачар "ключ" и т.д.), так и в других (напр. дагестанских, армянском) языках.

Можно сказать, что удинская модель указательных и вопросительных местоимений заимствована из северных и западных групп диалектов и говоров азербайджанского языка. Ср. азерб. диалект.-удин. указательные местоимения: hабы-hама "этот", hао-hаtie "тот", hао-hашо "тот", hаорда-hаtie "вон там", hабурда-hама " вот здесь";

вопросительные местоимения: авах-ерех "когда" hасайаг-hасайагъ "каким образом"; а также не гадар (hагедер) -hекъа-дар " сколько", не кир(а) (hакире?) -hеджур(аъ) "какой", hаченчи-hемаумджи "который" и т.д.

Определительных и обобщительных местоимений в удинском языке, по-видимому, не было; они в нем также образуются по модели азербайджанского языка или являются просто заимствованными (см.: гъарса (азерб. hар бир) "каждый, всякий", гъар "каждый, всякий", быдан "такой-то", буьтуьн "весь, все", баъви "некоторые" и т.д.).

58/ См.: Ф.Д.Ашнин, Указательные частицы в тюркских языках, ИОЛЯ, 1958, т.ХУШ, вып.5, стр.432; М.И.Исламов. Некоторые указательные местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка, ИАН Азерб.ССР, СЛЯИ, 1972, стр.84.

59/ См.: В.И.Асланов, Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме h), ИАН Азерб.ССР, СЛЯИ, 1967, № 1, стр.58-59.

почти все категории наречий удинского языка подвергались влиянию азербайджанского языка; а некоторые разряды наречий возникли в результате заимствования азербайджанских слов - наречий: Наречие места образуется при помощи вышеуказанного - "hа", который присоединяется к удинским эквивалентам азербайджанских (азерб.-удин.): hаора-hаtie " именно туда", "именно там", hабурда-hама " именно здесь"; hаорда-hаtie " именно тут"; hабурда-hама "именно здесь" и т.д.

Наречие времени (азерб.-удин.): hайинди-hайисаъ "сейчас,сию минуту", инди иса-исаъ "теперь сейчас", hамиша-hамишаъ "всегда", hале-hаляъ "пока", hарден бир-hардаън бир "иногда", сабаъ-сабаъ-савах-савах " с утра" и т.д.

Наречие образа действия (азерб.-удин.): hаваш-hаваш "медленно", челд-джаьлд " быстро", дэрхал-дэрхал "тут же", баса-баса-баса-баса "толкая", бирден-бирдаън "вдруг,неожиданно", далба-дал-тIалбатIал "друг за другом", тайбатай-тайбатай "настеж" и т.д.

Количественные наречия (азерб.-удин): тамам-тамам "совсем", хейлак-хейлах " значительно", азча-маджа//кIициджаб "немного", о гадар-тIекъадар " столько" и т.д.

Сильное влияние азербайджанского языка сказывалось и на синтаксисе удинского языка. В бесписьменных языках судьба синтаксических конструкций предложения связано с речью говорящих. К тому же контакты удинского и азербайджанского языков фактически осуществлялись и осуществляются через разговорный язык удинов и азербайджанцев. Поэтому двуязычные удины чаще всего вносили разные коррективы в свою речь, чтобы легче и лучше понимал его собеседник. Чтобы создать эквиваленты предложений азербайджанского языка, удины заимствовали всю конструкцию сложных предложений. Однако, в удинском языке не оказалось внутреннего фактора для союзов, частиц, послеслогов и модальных слов, поэтому они сохранились в том виде, в каком являются в азербайджанском языке.

Союзы: ва "и", кена "опять", Иа "или", кагъ "то", аьйаьм//

алкаьнаь "если", ама "но", чунки "потому что", наьинки "не только", таьки "лишь бы", ки "что", наь "или" и т.д. (ср. азерб. ва, пена//кена, иа, ка, аьам//акар, амма/ама, чунки, на, наинки, таки в тех же значениях); частицы: йохса, "иначе", "не то", аьх (о) "ведь" йаьни "значит", дап "совсем", аьн "самый", таькдаь "только лишь", гьаьлеь "пока" и т.д. (ср. азерб. йохса, аьх, йани, дап, ен, теьке, йада в тех же значениях); последлоги: башьа "кроме", саваи "кроме", кьейраь "кроме", сифтйаь "сперва, первым делом", барада "относительно", коьраь "для", гьаьрраьмина "вокруг" и т.д. (ср. азерб. башта, саваьт, гейри//Гейраз, сифта, бараде, кере, йерламасына в тех же значениях); модальные слова: баьлкаь "может быть", йагьын "наверно, вероятно", куьа, "дескать, мол", гьар гьалда "во всяком случае", кьаьрраьз "словом", йараьб "интересно", без заьнден "по-моему" и т.д. (ср. азерб. балка, йагин, куьа, йервалда, гараьз, йараьб, заьнмиьме).

Вследствие всего этого началась деградация исконных синтаксических конструкций, особенно эргативной конструкции предложения в удинском языке.

Как во всех горских кавказских языках, так и в удинском, эргативная конструкция представляет собою трехчленную синтагму: переходный глагол+реальный субъект в эргативном (т.е. действительном) падеже + ближайший (т.н. "прямой") объект в именительном падеже (см. бабан уше кйацле "отец дрова колет", хунчен чуре чакхе "сестра доит корову"...).

Хотя эргативная конструкция не характерна для синтаксиса азербайджанского языка, однако и в нем имеется трехчленная синтагма (см. ата рдун гьыьр "отец дрова колет", бамь инэк сагьр "сестра доит корову"...). Подобные формальные совпадения между синтаксическими конструкциями предложений в азербайджанском и удинском (т.е. тюркских и кавказских)^{60/} языках может служить (при

60/ Об этом см.: И.И. Мещанинов, Эргативная конструкция в языках различных типов, Л., 1967, стр. 24-30.

наличии дополнительных внутренних факторов) поводом для влияния (т.е. интерференции азербайджанского языка) на синтаксические конструкции удинского. Оно нашло свое отражение прежде всего в эргативной конструкции, с которой связано и наличие в удинском одного из основных падежей - эргативного.

Процесс деградации эргативной конструкции в удинском, по-видимому, начался давно. Первоисследователи удинского языка и в частности А.М. Дирр верно предполагал, что данный процесс является результатом интенсивного влияния азербайджанского и армянского языков на удинский.^{61/}

В мирзабейлинском говоре ниджского диалекта эргативный падеж почти исчез и заменен именительным падежом, и вместе с этим выпал его формант -и(-ен, -он..). В настоящее время в этом говоре реальный субъект как при непереходных, так и при переходных глаголах стоит в именительном падеже (см. баба уше кйацле "отец дрова колет", хунчи чуре чакхе "сестра доит корову"). Аффикс эргативного падежа утрачен и в глаголах чувственного восприятия (см. Полад-минебса вм. Поладен "Полад забьед"), а также во всех временах и наклонениях.

В связи с отсутствием категории залога, в удинском языке иногда один и тот же глагол может быть как переходным, так и непереходным. Подобное явление наблюдается и в азербайджанском языке, в котором винительный падеж, хотя он и является падежом прямого дополнения при переходном глаголе, иногда употребляется и при непереходных глаголах.^{62/} Ср. уше-гьена ашубе - кечани - кчнчз ишледим "день и ночь трудился я"; Поладен зойнебакса даьенух-Полад дьрсини вйранир (йазьрлайьр) "Полад выучивает (готовит) урок" и т.д.

61/ См.: А. Дирр, *Linguistische probleme in ethnologischer, anthropologischer und geographischer Beleuchtung, Wien, 1910.*

62/ См.: Грамматика азербайджанского языка, Баку, 1971, стр. 45.